

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ECONOMIC STUDIES

Оригинальная статья / Original article

Наличные деньги: пережиток или системная необходимость?

© Е.И. ДЮДИКОВА, Н.Е. БРОВКИНА, И.А. РИЗВАНОВА

Дюдикова Екатерина Ивановна, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), ekidyudikova@fa.ru. ORCID: 0000-0001-8126-6529

Бровкина Наталья Евгеньевна, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), nbrovkina@fa.ru. ORCID: 0000-0002-4096-1493

Ризванова Ирина Азатовна, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), iarizvanova@fa.ru. ORCID: 0000-0001-9238-0247

Исследование направлено на определение доли наличных в денежной массе, минимально необходимой для экономической устойчивости. Проанализированы современные научные подходы к этой проблеме; исследована тридцатилетняя динамика структуры денежной массы и выявлены периоды роста спроса на наличность, несмотря на общую долгосрочную тенденцию к снижению их доли; проведен социологический опрос во всех экономических районах России, чтобы выявить различия в отношении к наличным разных социально-демографических групп и оценить минимальную долю наличности на уровне 10–12% денежной массы. Сочетание экономического и социологического подходов к изучению роли наличных позволило раскрыть не только количественные закономерности, но и социальные практики, связанные с их использованием. Подчеркивается, что доля наличных – не только финансовый показатель, но и отражение социальных привычек. Наличные продолжают служить индикатором институционального доверия, а их доля отражает глубину разрыва между населением и финансовыми институтами.

Ключевые слова: денежное обращение, денежная масса, наличные деньги, оборот наличных денег, безналичные денежные средства, пирамида Маслоу

Цитирование: Дюдикова Е.И., Бровкина Н.Е., Ризванова И.А. (2025) Наличные деньги: пережиток или системная необходимость? // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 62–76. DOI: 10.31857/S0869049925040051

Cash: A Relic or Systemic Necessity?

© E. DYUDIKOVA, N. BROVKINA, I. RIZVANOVA

Ekaterina I. Dyudikova, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), ekidyudikova@fa.ru. ORCID: 0000-0001-8126-6529

Natalia E. Brovkina, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), nbrovkina@fa.ru. ORCID: 0000-0002-4096-1493

Irina A. Rizvanova, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), iarizvanova@fa.ru. ORCID: 0000-0001-9238-0247

Abstract. The purpose of this study is to identify the lowest share of cash in money supply that ensures normal functioning of the national economy. The positions of Russian and foreign authors on the optimal share of cash in the economy were analyzed; trends in the structure of money supply have been identified over a period of more than thirty years of the country's development; a sociological study, involving all economic regions, was conducted to examine the attitudes of different social and age groups toward cash and to evaluate its minimal share at 10–12% of money supply. By combining economic and sociological approaches to studying the role of cash, the research revealed not only quantitative patterns but also social practices associated with its use. It is emphasized that the share of cash is not only a financial indicator, but also a reflection of deeply rooted social habits. Cash continues to serve as a barometer of institutional trust, while its share reveals the depth of the divide between public and financial institutions.

Keywords: money circulation, money supply, cash, cash turnover, non-cash funds, Maslow's pyramid

Citation: Dyudikova E., Brovkina N., Rizvanova I. (2025) Cash: A Relic or Systemic Necessity? *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, p. 62–76. DOI: 10.31857/S0869049925040051 (In Russ.)

Современный этап развития общества характеризуется наложением поликризисных явлений и процессов информационной глобализации. Это стимулирует рост системной неопределенности и нестабильности. Разрушаются традиционные экономические институты, усугубляя социально-цифровую асимметрию и способствуя экспансии теневого сектора. Создание интегрированного экономического пространства как базового условия функционирования цифровой экономики, метавселенных и национальных экосистем трансформируется из предмета теоретического анализа в практическую необходимость для *smart*-общества в контексте перехода к *Industry 5.0*. При этом симбиоз виртуальной и физической реальности не подразумевает устранения компонентов материального мира.

Цифровая трансформация экономических процессов в единстве с виртуализацией всех аспектов социальной действительности – это прогрессивное направление развития, способное конструктивно укрепить финансовый суверенитет страны. Однако смещение акцента на модернизацию безналичного денежного оборота, которое сегодня и так находится в центре внимания и воздействия контрольно-регулирующих органов, превращает структурный элемент национальной платежной системы под названием «наличные деньги» в дорогостоящий архаизм. По мнению некоторых исследователей, именно наличные создают угрозу для финансового суверенитета внутри страны, поскольку считаются востребованным средством финансирования криминогенной сферы, подпитывают теневой рынок и неформальную экономику, допускают временное негласное замещение денежными суррогатами (долговыми расписками), становятся иллюзией стратегии

выживания общества потребления вследствие безответственного финансового поведения и прокрастинации.

Исследовательский интерес по анализируемой тематике сфокусирован в весьма разнообразных областях: сопоставление наличных денег и других форм расчетно-платежных средств [Пищулов 2023; Дюдикова, Куницына 2024; Pani, Maino 2025]; модели спроса на наличные деньги [Шамируин, Кочетова 2025; Jiang, Shao 2019]; проблемы в области обращения наличных денег [Маркова 2021; Rogoff 2016]. Относительно свежим взглядом на исследуемую проблематику можно считать позиции авторов, которые ставят под сомнение одно из основных свойств наличных денег, – абсолютную ликвидность [Гуторович 2023]. Отдельный класс составляют исследования, посвященные рискам сокрытия доходов от налогообложения благодаря сложности контроля за наличными денежными потоками [Батарин, Гончаренко 2024]; рискам, присущим операциям с наличными деньгами [Фатыхова, Сайфуллина, Уразбахтина 2021]; рискам развития теневой экономики [Линская, Пономарева 2022].

Более обоснованной представляется позиция исследователей, которые не считают целесообразным отказ от наличных, рассматривая их как объект частных и публичных интересов [Khiaonarong, Humphrey 2019; Dodd 2014], признавая надежным инструментом платежа, успешно сосуществующим с безналичными деньгами и эффективно их дополняющим [Криворучко, Лопатин 2019; Arango 2018; Zamora-Pérez, Marini, Honkkila 2024].

В данной работе авторы делают попытку объединить несколько упомянутых выше направлений при анализе роли наличных денег.

Основные этапы и тенденции изменения денежной массы

Денежная масса, как известно, включает наличные деньги в обращении вне банковской системы, депозиты финансовых (кроме кредитных) и нефинансовых организаций, депозиты домашних хозяйств, средства на расчетных, текущих и иных счетах до востребования резидентов Российской Федерации (финансовых, нефинансовых организаций и физических лиц)¹. За период с 01.01.1993 г. по 01.01.2025 г. объем наличных денег в обращении увеличился более чем в десять тысяч раз, тогда как безналичные средства возросли более чем в двадцать тысяч раз (рис. 1).

В изменении денежной массы можно выделить несколько этапов. На первом, с перехода от социалистической системы к рыночной экономике вплоть до 2007 г., в денежном обороте доминировали наличные. Их доля в структуре денежной массы достигала 30–40% (рис. 2), что отражало особенности экономического поведения населения: заработную плату выдавали наличными, продукты питания и товары приобретались на рынках за наличные. В этих условиях российский рубль выполнял функции обращения и платежа, тогда как функция сбережения оставалась за иностранной валютой, прежде всего – долларом США.

Второй этап (2007–2019 гг.) ознаменовался качественными изменениями в денежном обращении. После полного преодоления последствий кризиса 1998 г. и стабилизации экономики начался рост промышленного производства и реальных доходов населения. Ключевой характеристикой этого периода стало активное внедрение так называемых «зарплатных проектов», предполагавших выплату заработной платы не наличными деньгами, а безналично, на банковский счет. Это стало триггером массового распространения банковских карт как основного платежного инструмента, а также развития платежной инфраструктуры,

¹ Банк России. Денежная масса (национальное определение). 19.06.2025. (<https://cbr.ru/statistics/tms/>).

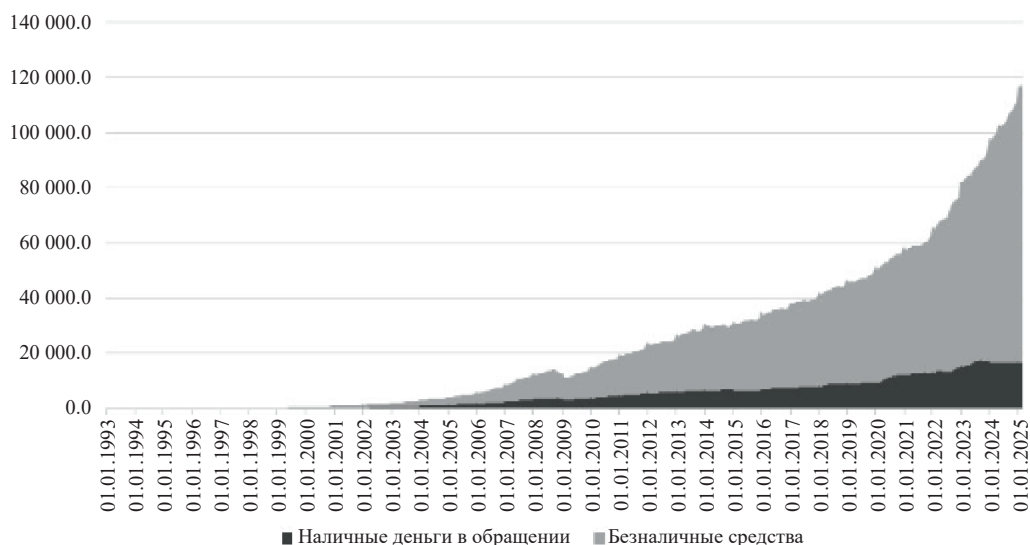

Рисунок 1. Динамика наличных денег в обращении

Figure 1. Dynamics of cash in circulation

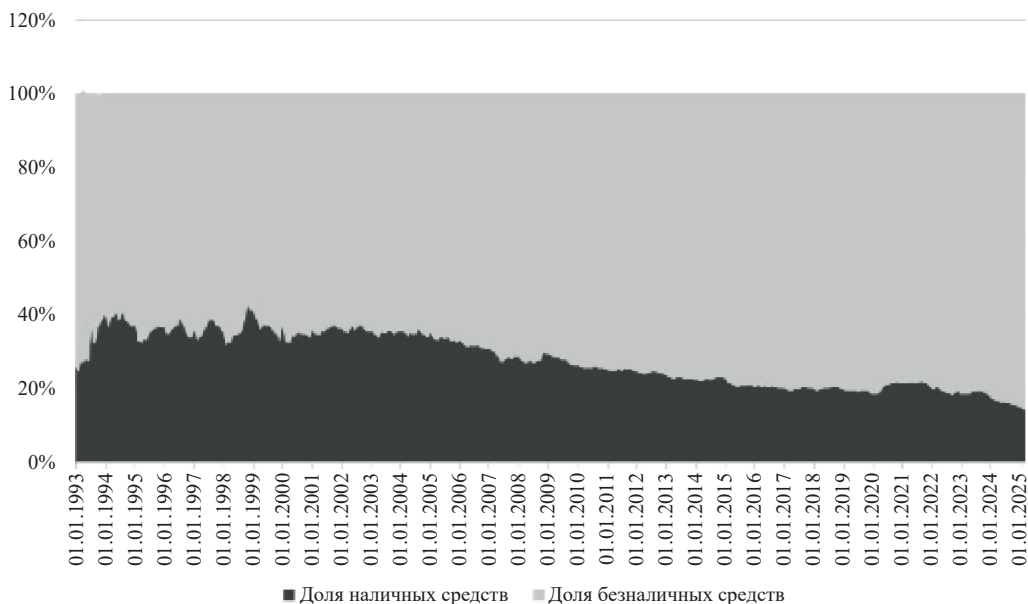
Источник: составлено авторами по данным Банка России. Денежная масса (национальное определение). 19.06.2025. (<https://cbr.ru/statistics/ms/>).

Source: compiled by the authors according to the data of the Bank of Russia. Money supply (national definition). 19.06.2025. (<https://cbr.ru/statistics/ms/>).

обеспечивавшей доступ к наличным денежным средствам. Указанные преобразования привели к значительной трансформации структуры денежной массы: доля наличных сократилась до 20%, что отразило переход экономики к более современным формам платежей.

Третий этап (2020–2022 г.) – откат к увеличению доли наличных денежных средств в условиях активной фазы пандемии коронавируса COVID-19. На фоне панических настроений среди отдельных групп населения наблюдался рост доли наличных в денежной массе до 22%. Этот феномен объясняется несколькими ключевыми факторами: поведенческие изменения (массовое изъятие средств «на черный день» в условиях неопределенности и предпочтение наличных платежей как психологически более понятного инструмента в кризис); структурные особенности экономики (активное использование наличной денежной формы в малом бизнесе и сером секторе экономики, а также временные ограничения безналичных платежей в период жестких противоэпидемиологических мер); технологический парадокс (несмотря на бурное развитие дистанционных платежей сохранилась потребность в наличных деньгах как универсальном резервном активе). Третий этап наглядно продемонстрировал удивительную жизнеспособность наличных даже в условиях форсированной цифровизации платежей.

Четвертый этап (с 2023 г. по настоящее время): кризис, вызванный пандемией коронавируса COVID-19 и оказавший краткосрочное стимулирующее воздействие на увеличение доли наличного обращения, стал катализатором глубинной цифровой трансформации платежной системы. Этот период характеризуется стремительным развитием биометрических технологий аутентификации; революционным совершенствованием платежной инфраструктуры; массовой адаптацией населения к бесконтактным платежным

Рисунок 2. Изменение структуры денежной массы

Figure 2. Change in the structure of money supply

Источник: составлено авторами по данным Банка России. Денежная масса (национальное определение). 19.06.2025. (<https://cbr.ru/statistics/ms/>).

Source: compiled by the authors according to the data of the Bank of Russia. Money supply (national definition). 19.06.2025. (<https://cbr.ru/statistics/ms/>).

решениям. Результатом становится достижение исторического минимума доли наличных в денежной массе (всего 14%), что знаменует собой принципиально новый этап развития платежной культуры в России.

Динамичное развитие технологий и экономики закономерно приводит к снижению удельного веса наличных денег в структуре денежной массы. Вместе с тем наблюдается интересный феномен: несмотря на устойчивую тенденцию к уменьшению роли наличных в розничных платежах, у населения сохраняется повышенный спрос на них в кризисные периоды и во время сезонных пиков потребительской активности, таких как отпуска и праздники (рис. 3), что свидетельствует о сохранении психологической и практической значимости наличных денег. Яркой иллюстрацией данной тенденции стал март 2022 г., когда на фоне геополитической турбулентности доля наличных в денежной массе резко возросла (на семь процентных пунктов), демонстрируя классическую «реакцию бегства в наличность». В последующие месяцы этот показатель постепенно нормализовался, хотя сезонные всплески спроса на наличность остаются устойчивым экономическим феноменом – они регулярно фиксируются в новогодний период, во время майских праздников и летнего отпускного сезона.

Этот устойчивый паттерн поведения свидетельствует, что российские граждане, руководствуясь историческим опытом, продолжают рассматривать наличные деньги как важный финансовый буфер, обеспечивающий безопасность в непредвиденных обстоятельствах [Бровкина, Ризванова 2022]. Репрезентативные социологические опросы различных демографических групп убедительно подтверждают данную поведенческую установку.

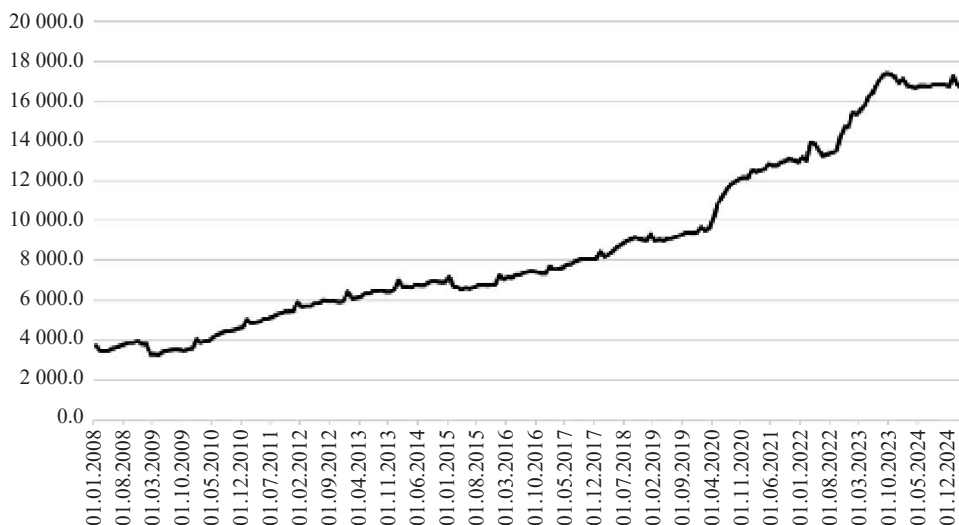

Рисунок 3. Динамика наличных денежных средств

Figure 3. Cash flow dynamics

Источник: составлено авторами по данным Банка России. Денежная масса (национальное определение). 19.06.2025. (<https://cbr.ru/statistics/ms/>).

Source: compiled by the authors according to the data of the Bank of Russia. Money supply (national definition). 19.06.2025. (<https://cbr.ru/statistics/ms/>).

Результаты исследования общественного восприятия наличных денег

Социологическое исследование выявило устойчивую тенденцию в восприятии наличных денег российскими гражданами. В период с января по март 2025 г. было проведено анкетирование ряда возрастных групп из различных регионов страны. Было обработано 29317 анкет; сбор данных исследователи проводили с условием однократного ответа каждого респондента с заполнением всех обязательных полей. Вопросы онлайн-анкеты были структурированы в логически связанные блоки. При отрицательном ответе на ключевой вопрос зависимые пункты были автоматически деактивированы, исключая нерелевантные для анализа данные. Анкетирование шло в стандартизированной форме без предоставления дополнительных комментариев и пояснений относительно содержания опроса. Итоговая выборка сформирована с соблюдением параметров квот: гендерное распределение; географическая локализация; возрастная стратификация опрошенных. Условная таксономия поколений² (табл. 1, табл. 2) позволила определить специфику поведенческих паттернов и различия в восприятии инноваций и наличных денег в текущих экономических условиях.

² Теория поколений условно проводит границу возрастных рамок, предоставляя возможность понять типичные характеристики категорий людей, живущих на разных этапах исторического, политического, экономического и технологического развития. Разная скорость и характер развития науки и технологий, способов передачи данных и трендов усиливают различия и непонимание между ними. Теория поколений X, Y, Z, беби-бумеров, альфа в России – их ключевые особенности и различия. [Prostudio. 19.06.2025. (<https://prostudio.ru/journal/generation-x-y-z/>)].

Таблица 1

Table 1

Анализ отношения различных возрастных групп населения к инновациям

Analysis of the attitude of different age groups of population to innovation

Поколение	Численность респондентов, чел.	Доля в общем объеме опрошенных, %	Принятие инновации	Восприятие инновации через призму	Освоение технологий	Отношение к конфиденциальности
Бумеры ... < 1964 г.р.	2137	7,29	традиционалисты (консервативные наблюдатели)	практической необходимости и проверенности	выборочно под внешним давлением после длительного тестирования (технофобия)	цифровые «осторожники» (конспирологи, опасаются утечек данных)
X 1965–1980 г.р.	7206	24,58	прагматики	функциональной полезности	вариативный дуализм в комбинации с традиционным поведением	избирательные прагматики (двойные стандарты: 2FA+блокирует и др.)
Y (компьютерное) 1981–1996 г.р.	7896	26,93	оптимизаторы	естественной среды, персонализации и бесшовного опыта	интуитивное экспериментирование	осознанные «шерителы» (обмен данными за бонусы, иллюзия контроля)
Z (смартфонное) 1997–2012 г.р.	8314	28,36	хаотичные интеграторы с цифровым мышлением	собственной цифровой идентичности и иммерсивного технологического взаимодействия	мультиплатформенное (коллаборативное) органическое объединение онлайн и офлайн опыта	парадоксальные экспозиционисты (выкладывают данные в соцсети, но используют анонимизаторы)
Альфа (постгаджетовое) 2013 г.р. < ...	3764	12,84	цифровые симулянты с интуитивной виртуальной коммуникацией	сращения физической и цифровой реальности в симбиотическую сеть	иммерсивное погружение с «кнулевым порогом входа»	постприватные пользователи (сбор данных – данность, но ожидается креативная отдача)
Итого	29317	100,00				

Источник: составлено авторами.
 Source: compiled by the authors.

Таблица 2

Table 2

Анализ отношения различных возрастных групп населения к наличным деньгам

Analysis of the attitude of various age groups of population to cash

Поколение	Доля в общем объеме опрошенных, %	Финансовая грамотность обращения с наличными деньгами	Кризисный сценарий	Эмоциональное восприятие наличных денег	Ассоциация	Будущее наличных денег
Бэби-бумеры (телевизионное) 60 лет и старше	7,29	высокая, в аналоговом формате	активно накапливают наличные, поскольку они переживут апокалипсис	реальные деньги = безопасность и стабильность	доверие	последние покровители / защитники
Великие практики (компьютерное) 44–59 лет	24,58	гибридные знания о работе с безналичными и наличными деньгами	создают подушку безопасности (заначку)	удобный резерв в цифровом мире	конфиденциальность	нейтраллисты
Миллениалы (компьютерное) 28–43 лет	26,93	преимущественно работа с безналичными деньгами	дополнительная опция «наличные», когда трудности с доступом к безналичным переводам	анахронизм, но иногда полезный инструмент	удобство в нестандартных ситуациях	случайные пользователи
Зуммеры (смартфонное) 12–27 лет	28,36	фрагментарные знания (пробелы в работе с наличными деньгами)	дезорientация	физический артефакт цифровой эпохи («физический NFT»)	своеобразность, экстраординарность	ретро-тренд
Альфа (α) 11 лет и младше	12,84	отсутствует	зависимость от родителей	«что это?», абстрактное понятие из игр	отсутствие ассоциаций	абстракция наличных денег

Источник: составлено авторами.
 Source: compiled by the authors.

Анализ репрезентативного массива данных позволил сформулировать выводы, отражающие тенденции исследуемого явления. Так, в эпоху информационно-цифровой революции переосмысление роли наличных денег свидетельствует о трех взаимосвязанных трансформациях:

- концепции ценности (от вещественно-материального объекта к цифровому выражению);
- архитектуры доверия (от осязаемого личного контроля к институциональным гарантиям);
- моделей взаимодействия (от физического обмена к децентрализованным транзакциям).

Отметим высокую степень интернет-вовлеченности поколений великих практиков, миллениалов и зуммеров, что нашло отражение в сбалансированном распределении ответов в ходе анкетирования. В исследование включены представители поколения Альфа (11 лет и младше), не относящиеся к экономически активному населению, – их ответы анализируются исключительно как индикатор возможных будущих трендов, но не текущего платежного поведения.

В результате исследования выявлен яркий контраст в отношении к наличным деньгам между поколениями. Если респонденты старших когорт (бумеры, X и Y) единогласно (100%) подтвердили приверженность наличным платежам и категорически отвергают возможность полного отказа от них, то среди молодежи иная картина. Почти половина зуммеров (47,61%) и подавляющее большинство Альфа (90,25%) полностью исключили наличные из личной «платежной экосистемы», считая их пережитком. Ключевыми детерминантами такой позиции выступают поведенческие паттерны (80,71% опрошенных отмечают удобство и простоту повседневных платежей); цифровой скепсис (каждый третий старше 35 лет выражает недоверие к безопасности безналичных расчетов); инфраструктурные ограничения (68,44% опрошенных периферии указали на проблемы и сбои работы платежных систем и нестабильность интернет-соединения); финансовая антропология (респондентам преимущественно старшего возраста необходимо «чувствовать деньги», устанавливая с ними физический контакт); без учета ответов группы поколения Альфа 82,37% респондентов опасаются избыточного контроля за денежными потоками со стороны регулятора и финансовых институтов и 61,58% формируют финансовую подушку из наличных денег.

Следует подчеркнуть, что вариативность восприятия банкнот и монет обусловлена уровнем технологической социализации и экономической памятью (накопленным уникальным опытом в разных макроэкономических условиях). Для бумеров и великих практиков наличные деньги сохраняют принципиальную ценность как символ финансового суверенитета (защита от внешнего контроля), уверенность свободы действий (вне цифрового следа), гарантия универсальной доступности. В поколении Next (Z + Альфа) видят физические деньги как рудимент доцифровой эпохи, роль которых сводится к избыточным посредникам, в отличие от P2P (одноранговой сети).

Полученные результаты подтверждают линейный рост адаптации поколений к инновациям, но скачкообразную динамику доверия (пик приходится на Y, активно интегрирующих высокотехнологические решения в социальную действительность, после этого наблюдается спад у Z, критически оценивающих конфиденциальность и влияние крупных технологических компаний (*BigTech*), затем происходит полное погружение Альфа в цифровую среду). Одновременно эволюционирует социальное отношение к конфиденциальности: *страх* перед цифровым следом обуславливает стремление к анонимности → намерение удержать *контроль*, вызванное историческими травмами (дефолты, девальвации),

объясняет избирательное раскрытие данных в обмен на удобство и выгоды → *игнорирование* проявляется в процессе осознанного предоставления персональной информации в качестве платы за сервисы → *креативная монетизация*.

Результаты исследования выявили любопытную поколенческую динамику в восприятии оптимальной доли наличных денег в экономике:

- бумеры демонстрируют консервативный подход, считая, что 40–50% наличных в денежной массе необходимы для экономической стабильности;
- поколение X придерживается более умеренных взглядов, называя диапазон 10–15% как достаточный для поддержания финансовой устойчивости;
- миллениалы склонны к цифровым решениям, но сохраняют осторожность, предлагая 8–12% наличности в общей денежной массе;
- зумеры как наиболее технологически адаптированное поколение считают оптимальным уровень до 10%, сохраняя осторожность в отношении полного отказа от аналоговых денежных форм;
- большинство представителей поколения Альфа уверены в исчезновении наличности в будущем, тем не менее они считают, что необходимо сохранить некоторое их количество «на всякий случай», не конкретизируя процентное соотношение.

Таким образом, парадоксальным представляется абсолютное признание наличных денег элементом стратегической устойчивости в нестандартных ситуациях и форс-мажорах, когда их характеристики, считающиеся в нормальных условиях недостатками, становятся ключевыми преимуществами:

- *в теневой экономике* (неучтенная занятость, «двойные тарифы», схемы отмывания денег, коррупция, игорный бизнес и др.) наличные считаются «золотым стандартом» ликвидности, обладая специфическими характеристиками (полная анонимность и отсутствие цифровых следов, независимость от регуляторных обязательств, нет посредников в платежах, высокая скорость и необратимость операций, автономность и всеобщая приемлемость, самодостаточность материально-вещественного носителя (отсутствие дополнительных условий распоряжения денежной стоимостью) и др.);
- *в кризисных сценариях* наличные демонстрируют уникальную устойчивость – они признаются средством защиты от финансовой нестабильности, поэтому в периоды экономической турбулентности и геополитической напряженности экономические субъекты создают запасы наличных денег, опасаясь ограничений доступа к банковским счетам или нарушения работы платежных систем (например, в России рост объема наличных был зафиксирован в 2020 г. во время противоэпидемиологических мер COVID-19 и в 2022 г. в связи с началом специальной военной операции³);
- *в условиях неопределенности* (санкционных рисков, гиперинфляции, валютных ограничений и др.) наличные выступают защитным активом вне зависимости от банковской инфраструктуры – в действительности, наличные служат индикатором доверия к банковской системе страны;
- *социальные аспекты и региональные диспропорции* превращают наличные деньги в механизм финансовой инклюзии, наделяя их критически важной социальной ролью⁴: они служат единственно доступным средством платежа для уязвимых категорий население

³ Банк России. Денежная масса (национальное определение). 19.06.2025. (<https://cbr.ru/statistics/ms/>); Банк России. Информационный материал «О наличном денежном обращении». 19.06.2025. (https://cbr.ru/Collection/Collection/File/49227/ndo_2_2024.pdf).

⁴ Банк России. Почему ЦБ не отказывается от бумажных рублей в эпоху цифровизации. 19.06.2025. (<https://cbr.ru/press/event/?id=23256>).

ния, сдерживая финансовый произвол и обеспечивая соблюдение экономических прав, абсолютную прозрачность платежей в части исключения скрытых комиссий и банковского мисселинга (недобросовестного поведения финансовых организаций);

- *кибератаки и технологические коллапсы* не воздействуют на механизм наличного денежного обращения, признаваемого «аналоговым резервом» цифрового мира, потому что наличные деньги в таких условиях способны гарантированно обеспечивать жизненно важные транзакции.

Ключевые факторы доверия к наличным деньгам

Надежность наличных денег в восприятии населения имеет глубокую двойственную природу: эмпирический фундамент (многолетний исторический опыт использования и личные поведенческие стратегии, подтвержденные практикой) и экономическая рациональность (независимость от инфраструктурных рисков и гарантированная ликвидность в любых условиях). Концептуальное осмысление через призму пирамиды Маслоу (рис. 4) позволило раскрыть многоуровневую природу потребностей в использовании наличных денег.

Физиологические потребности и поведенческие паттерны играют ключевую роль в предпочтениях наличных денежных знаков: психологическое восприятие (уход от импульсных трат, «терапевтические» покупки), тактильные практики, ритуалы приватности, ощущение контроля, дань традиции и др. В основании пирамиды располагаются физиологические потребности: чем сложнее становятся цифровые системы, тем ценнее простота физического обмена – при отсутствии платежной инфраструктуры наличные сохраняют способность выполнять основные функции денег, уникальные свойства обеспечивают их безусловное обращение. К базовому уровню также относится *потребность в безопасности (защищенности)*, которую наличные деньги удовлетворяют в условиях обострения неравенства, нарастающей нестабильности и глобальных рисков. *Социальные потребности (потребность в принадлежности)* наличные деньги реализуют в механизме финансовой инклюзии, выполняя критически важную роль для уязвимых групп населения с учетом социальных аспектов и региональных диспропорций. Отсутствие посредников и электронного следа при проведении платежей, а также анонимность обеспечивают относительную независимость их владельца, что удовлетворяет *потребность в свободе*. На высшем уровне пирамиды располагается *потребность в самореализации*, которую наличные деньги воплощают в защите базовых принципов экономической свободы.

Экономические детерминанты надежности наличных денег напрямую коррелируют со степенью зрелости платежной инфраструктуры (технологической развитостью, доступностью платежных сервисов, институциональными условиями, макроэкономической стабильностью и пр.) [Абрамова, Дубова 2022].

Уровень технологического развития платежной инфраструктуры предопределяет ландшафт денежного обращения. В регионах с недостаточной цифровой инфраструктурой наличные деньги сохраняют безальтернативную значимость⁵, что обуславливают три ключевые преимущества: практичность (возможность расчетов без технологических посредников), гибкость (адаптивность к любым условиям деятельности) и доступность (независимость). Особую актуальность это приобретает в контексте существо-

⁵ Банк России. Информация о программно-технических средствах в системе наличного денежного обращения Российской Федерации. 19.06.2025. (https://cbr.ru/statistics/cash_circulation/01-01-2025/).

Рисунок 4. Концептуальная модель Маслоу: наличные деньги на всех ступенях пирамиды потребностей

Figure 4. Maslow's conceptual model: cash at all levels of the pyramid of needs

Источник: *составлено авторами.*

Source: *compiled by the authors.*

вания своеобразных «островов аналоговой экономики» – территории отключенного режима (без покрытия интернета и сотовой связи): согласно данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, в 2020 г. 32 тыс. населенных пунктов не имели стабильной сотовой связи, а в 25 тыс. поселений отсутствовал надежный высокоскоростной интернет⁶. Таким образом, для значительной части страны наличные остаются не просто предпочтением, а экономической необходимостью, обеспечивающей базовую финансовую инклюзию населения.

Отметим, что потребность в наличных обратно пропорциональна уровню доверия к финансово-технологическим решениям и степени доступности. Сегодня треть россиян испытывают перманентную тревогу за безопасность безналичных расчетов, что мотивирует на проведение наличных платежей и провоцирует рефлексивное обналичивание поступающих на банковские счета средств. Наличные обладают уникальным свойством абсолютной автономности, исключая риск несанкционированного доступа и киберугроз: предоставляют, по сути, *гарантию защиты*. Киберпреступность и проблема доверия признаются одними из основных глобальных угроз⁷, что, разумеется, связано с переходом в цифровую экономику.

⁶ Лунин А. Плюс-минус «цифра». Когда интернет появится в каждой деревне? Аргументы и факты. 19.06.2025. (https://aif.ru/techno/web/plyus-minus_cifra_kogda_internet_poyavitsya_v_kazhdoy_derevne).

⁷ Global Risks Report. 19.06.2025. (<https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2024/>).

Заключение

Наличные деньги остаются непревзойденным стандартом абсолютной ликвидности и финансовой автономности. В условиях глобальной цифровизации они продолжают выполнять две ключевые роли: универсальный и безотказный платежный инструмент и надежный антикризисный буфер, обеспечивающий финансовую стабильность в периоды неопределенности.

Сохраняющаяся роль наличной денежной формы подтверждает практика различных государств: Швеция (6–8%), Эстония (8–10%), Норвегия (9–11%), Дания (10–12%), Южная Корея (12–15%), Китай (10–12%), Сингапур (14–16%), – где наличное обращение сознательно поддерживается на стратегически значимом уровне.

Для России наличные деньги сохраняют особое значение как гарант финансового суверенитета, кризисный стабилизатор национальной платежной системы. Сочетание прагматической пользы и стратегической значимости обеспечивает наличным устойчивую роль в архитектуре современной платежной системы, что предопределяет необходимость поддержания их доли в объеме денежной массы на уровне не ниже 10–12%.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абрамова М.А., Дубова С.Е. (2022) Турбулентность угроз финансовой стабильности в новых реалиях развития денежной и платежной систем // *Банковские услуги*. № 7. С. 9–18. https://doi.org/10.36992/2075-1915_2022_7_9

Abramova M.A., Dubova S.E. (2022) Turbulence of threats to financial stability in the new realities of the development of monetary and payment systems. *Banking Services*. no. 7, pp. 9–18. https://doi.org/10.36992/2075-1915_2022_7_9 (In Russ.)

Батарин А.А., Гончаренко Л.И. (2024) Ограничение наличных расчетов как гарантия прозрачности налогообложения (на примере Кыргызской Республики) // *Экономика. Налоги. Право*. Т. 17. № 5. С. 137–145. <https://doi.org/10.26794/1999-849x-2024-17-5-137-145>

Batarin A.A., Goncharenko L.I. (2024) Limitation of cash payments as a guarantee of tax transparency (on the example of the Kyrgyz Republic). *Economics, Taxes and Law*. vol. 17. no. 5, pp. 137–145. <https://doi.org/10.26794/1999-849x-2024-17-5-137-145> (In Russ.)

Бровкина Н.Е., Ризванова И.А. (2022) Финансовая грамотность: проблемы и пути решения // *Экономика. Налоги. Право*. Т. 15. № 3. С. 59–68. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-3-59-68>

Brovkina N.E., Rizvanova I.A. (2022) Financial literacy: problems and solutions. *Economics, Taxes and Law*. vol. 15. no. 3, pp. 59–68. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-3-59-68> (In Russ.)

Гуторович В.Н. (2023) К вопросу об «абсолютной» ликвидности наличных денег // *Первый экономический журнал*. № 1(331). С. 41–49. https://doi.org/10.58551/20728115_2023_1_41

Gutorovich V.N. (2023) On the issue of the «absolute» liquidity of cash. *The First Economic Journal*. no. 1(331), pp. 41–49. https://doi.org/10.58551/20728115_2023_1_41 (In Russ.)

Дюдикова Е.И., Куницына Н.Н. (2024) Поляризация информационного общества: цифровая перезагрузка // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 24. № 2. С. 539–554. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-539-554>

Dyudikova E.I., Kunitsyna N.N. (2024) Polarization of the information society: digital reset. *RUDN Journal of Sociology*. vol. 24. no. 2, pp. 539–554. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-539-554> (In Russ.)

- Криворучко С.В., Лопатин В.А. (2019) Обращение наличных денег как универсальная форма оплаты труда населения // Экономика. Налоги. Право. Т. 12. № 6. С. 86–97. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-6-86-97>
- Krivoruchko S.V., Lopatin V.A. (2019) Cash circulation as a universal form of payment for the population. *Economics, Taxes and Law*. vol. 12. no. 6, pp. 86–97. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-6-86-97> (In Russ.)
- Маркова О.М. (2021) Совершенствование обращения наличных денег в цифровой экономике // Финансовые рынки и банки. № 1. С. 18–26.
- Markova O.M. (2021) Improving the circulation of cash in the digital economy. *Financial Markets and Banks*. no. 1, pp. 18–26. (In Russ.)
- Пинская М.Р., Пономарева К.А. (2022) Подходы зарубежных стран к ограничению оборота наличных денег как инструменту борьбы с теневой экономикой // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. № 3. С. 23–31.
- Pinskaya M.R., Ponomareva K.A. (2022) Approaches of foreign countries to limiting the circulation of cash as a tool to combat the shadow economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26: Gosudarstvennyy audit*. no. 3, pp. 23–31. (In Russ.)
- Пищулов В.М. (2023) Сходство и различие наличных денег и цифровых валют // Банковское дело. № 3. С. 47–51.
- Pishchulov V.M. (2023) Similarity and difference of cash and digital currencies. *Bankovskoe delo*. no. 3, pp. 47–51. (In Russ.)
- Фатыхова А.А., Сайфуллина М.А., Уразбахтина Л.Р. (2021) Особенности проверки организации кассовой работы с целью минимизации банковских рисков, присущих операциям с наличными деньгами // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 4. С. 141–146. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-141-146>
- Fatykhova A.A., Sayfullina M.A., Urazbakhitina L.R. (2021) Features of checking the organization of cash work in order to minimize banking risks inherent in cash transactions. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. no. 4, pp. 141–146. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-141-146> (In Russ.)
- Шамшурин И.А., Кочетова К.Д. (2025) Модель спроса на наличные деньги в Удмуртской Республике (на материалах Отделение – НБ Удмуртской Республики) // Социально-экономическое управление: теория и практика. Т. 21. № 1. С. 92–101. <https://doi.org/10.22213/2618-9763-2025-1-92-101>
- Shamshurin I.A., Kochetova K.D. (2025) The model of demand for cash in the Udmurt Republic (based on the materials of the Department of the National Bank of the Udmurt Republic). *Social'no-ekonomiceskoe upravlenie: teoriya i praktika*. vol. 21. no. 1, pp. 92–101. <https://doi.org/10.22213/2618-9763-2025-1-92-101> (In Russ.)
- Arango C. (2018) Cash remains top-of-wallet! International evidence from payment diaries. *Economic Modelling*. <https://doi.org/10.1016/J.ECONMOD.2017.09.002>
- Dodd N. (2014) *The Social Life of Money*. United States: Princeton University Press. 456 p.
- Jiang J., Shao E. (2019). The Cash Paradox. SSRN. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3367850>
- Khiaonarong T., Humphrey D. (2019) Cash Use Across Countries and the Demand for Central Bank Digital Currency. *IMF Working Papers*. no. 2019/046, 43 p.
- Pani M., Maino R. (2025) Could Digital Currencies Lead to the Disappearance of Cash from the Market? *IMF Working Papers*. no. 2025/056, 39 p. <https://doi.org/10.5089/9798229004725.001>
- Rogoff K.S. (2016) *The Curse of Cash*. United States: Princeton University Press. 296 p.
- Zamora-Pérez A., Marini A., Honkkila J. (2024) Is there a digital divide in payments? Understanding why cash remains important for so many. *ECB Economic Bulletin*. Vol. 2. https://www.ecb.europa.eu/press/economic-bulletin/articles/2024/html/ecb.ebart202402_02~d821c613a7.en.html#toc1

Информация об авторах

Дюдикова Екатерина Ивановна, доктор экономических наук, доцент кафедры банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета; старший научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 101000, Россия, Москва, Малый Златоустинский переулок, д.7, стр. 1. E-mail: ekidyudikova@fa.ru

Бровкина Наталья Евгеньевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета; ведущий научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 101000, Россия, Москва, Малый Златоустинский переулок, д.7, стр. 1. E-mail: nbrovkina@fa.ru

Ризванова Ирина Азатовна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры банковского дела и монетарного регулирования финансового факультета; старший научный сотрудник Института финансовых исследований финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 101000, Россия, Москва, Малый Златоустинский переулок, д.7, стр. 1. E-mail: iarizvanova@fa.ru

About the authors

Ekaterina I. Dyudikova, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Banking and Monetary Regulation, Faculty of Finance; Senior Researcher, Institute of Financial Research, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 101000, building 1, 7 Maly Zlatoustinsky Lane, Moscow, Russian Federation. E-mail: ekidyudikova@fa.ru

Natalia E. Brovkina, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor of the Department of Banking and Monetary Regulation, Faculty of Finance; Senior Researcher at the Institute of Financial Research, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 101000, building 1, 7 Maly Zlatoustinsky Lane, Moscow, Russian Federation. E-mail: nbrovkina@fa.ru

Irina A. Rizvanova, Candidate of Sciences (Economics), Senior Lecturer at the Department of Banking and Monetary Regulation, Faculty of Finance; Senior Researcher at the Institute of Financial Research, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 101000, building 1, 7 Maly Zlatoustinsky Lane, Moscow, Russian Federation. E-mail: iarizvanova@fa.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 12.04.2025

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 20.06.2025

Статья принята к публикации / Accepted: 11.07.2025